

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Тайна
старой усадьбы

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Художник — *Алексей Дурасов*

Посняков, Андрей Анатольевич.
П62 Тайна старой усадьбы / Андрей Посняков. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-180999-7

1965 год. Покой небольшого северного городка внезапно нарушает известие об убийстве молодой девушки. Преступник подкараулил ее после танцев, а труп бросил в пожарный пруд. Следователь Владимир Алтуфьев задерживает главного подозреваемого — жениха убитой. Однако предъявлять непутевому парню тяжелое обвинение не торопится. Тем более что в это время в заброшенной усадьбе недалеко от города случается новое преступление. Следователь понимает, что имеет дело не с пьяным хулиганом, а с серьезным, хорошо подготовленным преступником, преследующим коварную цель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180999-7

© Посняков А.А., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

СССР. Окрестности Озерска.

Сентябрь 1943 г.

— Партизаны! Герр штурмбаннфюрер, партизаны!

Заглянув в подвал, унтер — увалень в промокшем дождевике и каске — вытянулся, ожидая приказа.

Штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер, сутулый, с бледным узким лицом, раздраженно обернулся и, посветив фонариком, посмотрел вверх:

— Партизаны? И далеко?

— Километрах в пяти, за озером, — озабоченно доложил унтер. Круглое, с красными щеками лицо его чем-то напоминало бульдожьё морду. — Хельмут и Ханс утром на рыбалку отправились. Вот и увидали.

— Увидали! — Брюкнер язвительно усмехнулся. — А охрану выставить как следует не пытались? А, господин Ланге? На рыбалку... Или вы думаете, что вы сейчас во Франции, в сороковом году. Увы! Это даже не Эстляндия...

— Так... Посты выставлены в соответствии с уставом строевой службы, господин штурмбаннфюрер! — Ланге выпятил грудь, пытаясь оправдаться.

Вообще-то он был хорошим унтер-офицером, исполнительным и добросовестным служакой... правда, не более того. Но и не менее. А этого уже немало! Попробуйте еще толкового унтера подобрать.

— Ладно, Герхард, вы все сделали правильно. Лучше и впрямь, как говорят русские, соломку подстелить... —

Фонарик в руке штурмбаннфюрера вдруг замигал и погас.

— Черт! — выругался в темноте Брюкнер. — У вас есть фонарик?

— Да, господин штурмбан...

— Так давайте же! Осторожнее, не свалитесь с лестницы...

Заскрипели ступеньки. Яркий луч фонаря осветил сваленный в углу хлам: холсты, подрамники, кисти...

— Ага... Спасибо, Ланге.

Перехватив фонарик, Брюкнер поблагодарил и тут же распорядился отправить к озеру двух человек — наблюдателей.

— Уже отправлены, господин штурмбаннфюрер! — молодежато выкрикнул унтер. — Ефрейторы Райс и Хайнегер. Хорошие бойцы.

— Хорошо. Докладывать каждые полчаса.

Узкий луч метнулся к лестнице.

— Пока свободны, Ланге. Благодарю за службу!

— Хайль Гитлер!

— Хайль... Да, постойте-ка! С чего вы взяли, что партизаны обязательно заглянут в усадьбу?

— У них подводы, господин штурмбаннфюрер. — Голос унтера прозвучал глухо как в подземелье. Так здесь и было подземелье — подвал, вернее сказать, — потайная комната, обнаруженная Брюкнером только вчера.

Заброшенную усадьбу, где располагался приданный Брюкнеру взвод ваффен СС, штурмбаннфюрер при-смотрел еще в конце лета и решил приспособить ее под штаб — в обширном подвале было удобно держать плен-ных и подозрительных. Жалко, от города далековато, да и дороги вот-вот развезет. Впрочем, в последнее время и ситуация изменилась: теперь не о допросах надо ду-

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

мать, а о том, как бы самим ноги унести. Заодно прихватить кое-что из обнаруженных в потайной комнате ценностей, в свое время так и не доставшихся большевикам. Старинные канделябры, серебряная шкатулка — увы, пустая, — пара портретов в больших золоченых рамах и еще кое-что по мелочи. Все для великой Германии, а как же!

— Говорите — подводы? — Герр Брюкнер никогда не разделял насмешек некоторых своих коллег насчет «русиш телеген». И в самом вермахте гужевого транспорта хватало, здоровенные битюги даже пушки таскали, не говоря уж о всем прочем, да и дороги здесь были такие, что иногда только на лошади и проедешь. Даже «Опель Блиц» — на что уж неприхотливая машина, — и тот не выдерживал, застревал.

— Подводы, господин штурмбаннфюрер, — осторожно понимаясь по лестнице, подтвердил унтер. — Хельмут с Хансом видели две. Плюс еще конники — человек двадцать, все с оружием. Думаю, бандиты отправились за продуктами в ближайшее село. А дорога туда одна — как раз через усадьбу. Эх, да где ж эти мадьяры? Союзнички, черт бы их побрал...

С небольшим венгерским отрядом под командованием капитана Гезы Фаркоша люди Брюкнера должны были встретиться еще несколько дней назад, но так и не встретились, и, где носило этих мадьяр, один дьявол знает.

— Понял... — Штурмбаннфюрер кивнул и прищурился. — Докладывайте, и вот еще что... Всем собираться и быть наготове.

Увалень обернулся, удивленно приподняв брови:

— Я верно понял? Мы собираемся уезжать, господин штурмбаннфюрер? Не дождавшись мадьяр?

— Да, уезжаем. И как можно скорее. Фаркоша мы, похоже, не дождемся, а я вовсе не собираюсь сражаться за эти чертовы развалины в одиночку! Думаю, они не стоят крови наших солдат. А с партизанами мы еще повоюем, успеем! Так что действуйте, Герхард.

— Яволь!

Шаги унтера гулким эхом разнеслись по коридору. Скрипнула дверь... Со двора донеслись команды...

Подводы...

Герр Брюкнер покачал головой и еще больше ссутулится. Впрочем, серая полевая форма с серебристыми рунами в петлице очень шла ему. Подтянутый сероглазый брונет, всегда тщательно выбритый, пахнувший дорогим французским одеколоном, Курт всегда нравился женщинам, а вот жена постоянно пилила ее за сутулость... Ну и что с того? Отвоюем — выпрямимся!

Подводы... Пять километров... А три дня кряду дожидало — значит, дорожка та еще. Час, может, даже два... Или не уходить? Просто разбить к чертям всю эту лесную банду? Два десятка бандитов плюс пара подвод... Поставить пулемет на развилке, стрелков — по кустам, рядом... А потом получить свой заслуженный Железный крест! Это если все получится... А если — нет? Если в руки партизанам попадут секретные папки с агентурой? Кого тогда назначат виновным? Правильно, его — Курта Брюкнера, штурмбаннфюрера СС, первого заместителя начальника озерского гестапо. Сам же начальник и сдаст — штандартенфюрер Крюге тот еще лис, от себя беду отводить умеет. За счет подчиненных, само собой... Так что ну их всех к черту, эти дурацкие подвиги, куда лучше действовать по-русски — соломку подстелить...

Итак, минимум час еще есть. И есть еще фургон «Опель Блиц», грузовик вполне надежный. Служебный

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

легковой «Мерседес-Бенц» Бюкнер, отправляясь в леса, благоразумно оставил в Озерске. От усадьбы до шоссе — километра четыре по бездорожью. Грузовик еще ничего, справится, а вот легковая...

Что еще прихватить? Что-нибудь бы для себя, такое, небольшое, чтоб не было этих алчных солдатских взглядов...

Что тут еще осталось-то?

Курт посветил фонарком...

Да, похоже, больше ничего ценного. В углу — пара старых икон, пыльные рамы да детские рисунки — дегенеративная мазня, — все какое-то размытое, в цветных пятнах. Ну и художники, верно — да, рисовал ребенок. Ребенок, не умеющий рисовать. Так, наляпал что-то. Едва угадывается усадьба — только контур да далекий лес — почему-то синий. На другом рисунке — вообще совершенно дикая мазня! Какие-то ворота, дома, чернота и яркие желтые пятна. Вероятно, огни. Или звезды. Тьфу!

А вот иконы, пожалуй, тоже нужно прихватить. Только не для великой Германии — для себя лично. Отправить посылкой домой, в Дрезден...

Черт! Что еще за шаги?

— У них броневики, господин штурмбаннфюрер! — склонившись над люком, нервно доложил унтер. — Наверное, наши, захваченные. Очень скоро будут здесь!

— Едем! — Сунув иконы под мышку, Брюкнер заторопился по лестнице. — Вы идите, идите, Ланге. Я догоню...

Поднявшись, штурмбаннфюрер захлопнул люк, или, вернее, лаз. Крышка закрылась быстро и плотно, так что и подумать невозможно, что внизу — потайная комнатка. Большевики — те не догадались, а Брюкнеру просто повезло. На стене, в нише, висела картина, изображающая индейцев. Все как полагается — мустанги,

томагавки, перья. Только вот компания там была изображена какая-то странная. Судя по прическам и перьям, гуроны и делавары. Вместе, рядом. А ведь эти племена никогда не дружили — заклятые враги! Курт в детстве зачитывался Карлом Маем, играл с друзьями в индейцев и гуронов с делаварами уж никак не спутал бы. Это же полный позор.

Вот и здесь, на картине... Когда пригляделся внимательнее, заметил, что все воины смотрят вниз... куда — на картине было не видно. Но ведь куда-то ж они смотрели? Зачем-то художник так вот нарисовал? Мало того что смотрели, так один делавар еще и прямо указывал томагавком! Словно бы на пол, в этой вот самой нише...

Курт не поленился, встал на колени, пошарил руками... И нашел-таки небольшую зацепочку, потянул...

Правда, найденная «пещера Лехтвейса» оказалась не столь уж и богата сокровищами, больше — всяким хламом. Однако кое-что нашлось... Эти старинные иконы явно чего-то стоят — их можно продать. И может быть, весьма выгодно... Пусть этим займется жена Марта...

Кстати, здесь, в этой комнате, в случае чего можно спрятать вывезенные из соседнего села папки с агентурными делами — архив. Тамошнее отделение гестапо пришлось спешно эвакуировать — опасно стало. Эту миссию и поручили Брюкнеру, а уж в заброшенную усадьбу местного графа Возгринна он заехал сам, присматривая новое место для своей конторы...

— Господин штурмбаннфюрер!

— Иду же. Иду.

«Опель Блиц» уже стоял с заведенным двигателем, все солдаты сидели в кузове. Это так говорится, что взвод, на самом деле осталось всего-то восемь человек, включая

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

унтера Ланге и самого штурмбаннфюрера. Задние двускатные колеса, матерчатый тент, выкрашенная в серо-голубой цвет «фельдграу» кабина, лопата на правом крыле. Машина надежная, даст бог, и сейчас не подведет...

Ланге лично уселся за руль. Брюкнер, забравшись в кабину, оглянулся, бросив последний взгляд на усадьбу, чем-то похожую на финскую мызу. Фундамент из мощных замшелых камней, само же здание — деревянное, выстроенное в стиле классицизм, с колоннами и портиком. Когда-то тщательно выкрашенная, усадьба, верно, смотрелась нарядно, даже с некоторым изяществом. Сейчас краска давно выцвела и облезла, даже какой был цвет изначально, угадать уже было сложно, левое крыло здания покосилось, провалилась крыша, стекла оставались только в правом крыле — до войны его использовали местные колхозники во время уборочной и сенокоса.

— Броневики! — Тронув машину, Ланге бросил взгляд в зеркало. — И это точно не мадьяры!

Сзади слышались выстрелы.

— Партизаны! — переключая передачу, напряженно выкрикнул унтер.

Брюкнер поправил на голове фуражку и усмехнулся:

— Надеюсь, наши солдаты не забыли, зачем им пулемет? Или ожидают приказа?

— Нет, — перекладывая руль, дернул шеей Ланге. — Им приказано стрелять по готовности...

В этот момент слышалась очередь. Машину затрясло — в кузове словно заработала мясорубка или циркулярная пила — так прозвали недавно появившийся на фронте пулемет «МГ-42»!

— Есть! — глянув в зеркало, радостно возопил унтер. — Задымил броневинок! Да с таким пулеметом нам сам черт не брат!

ГЛАВА 1

Бывший райцентр Озерск.

Июнь 1965 г.

— Косинус на синус равно... Ой! Как-то не так все!

Лежавшая на расстеленном недалеко от забора покрывале девушка лет шестнадцати — высокая, с золотистой косою и полной грудью — задумчиво заглянула в синюю общую тетрадь с надписью «Билеты к экзамену» и возмущенно фыркнула:

— Нет, ну надо же! Это что же, я не все записала? Жень, а у тебя?

— А у меня вроде есть. — Загоравшая рядом соседка — худенькая, смуглая брюнеточка с прической каре — поправила задранную к плечам майку. — Да, вроде бы...

Жень пролистала тетрадь — такую же, как у подружки, купленную в канцелярском магазине «Лентагиз» за срок восемь копеек, только с красной корочкой.

— Ну, я же писала, помню... Да где же? — Девушка округлила глаза. — Вот! Теоремы, задачи... Ну, ты слушаешь, Кать?

Катерина между тем перевернулась на спину, закрыла глаза и подставила солнцу живот. Белый матерчатый лифчик и черные купальные трусы — вот и вся одежда.

Загорали подружки... Впрочем, не просто так — заодно готовились к экзаменам за курс восьмилетней или, по-новому, девятилетней школы. Раньше, еще лет пять назад, экзамены сдавали бы после восьмого класса,

а нынче вот — после девятого, а потом еще предстояло учиться в десятом, а одиннадцатого, как в прошлые годы, уже не было! Десятый был выпускной! И еще — одиннадцатый, по программе которого доучивались те, кто был старше подружек на год. В прошлом учебном году, осенью, в школу вернули десятилетку вместо прежней, одиннадцатилетней программы. В следующем 1965/66 учебном году школу оканчивали последние одиннадцатые классы и — одновременно — новые десятые, таким образом, количество выпускников 1966 года автоматически увеличилось в два раза! Вот об этом сейчас и вспомнила Катя.

Открыв глаза, приподняла темные очки а-ля знаменитый польский актер Збигнев Цыбульский и повернула голову:

— Ой, как представлю: это теперь все будут десять классов учиться, и мы — первые! Два года в один. Могли бы и экзамены после девятого отменить, коли такое дело!

— Так после восьмого-то не сдавали, — резонно возразила подружка. — Это сейчас сдают... Ну и мы заодно. Говорят, в каждой республике по-разному.

— Дурдом! Зато школу на год раньше окончим! Представляешь, это же здорово!

— Да уж не совсем, — поправив такие же очки, усмехнулась Женя. — С выпускными-то — полный атас! Это же и мы будем сдавать, и одиннадцатые классы! В два раза больше выпуск! Никаких институтов не хватит. Как говорит моя мама, все мозги прокомпостируют!

— А ты после школы в институт собираешься? — Катя облизнула пересохшие губы и потянулась к бутылочке ситро, лежавшей рядом, в траве. Открыла, сделала пару глотков, протянула подружке. — Будешь?

— Давай.

— Ох, Женька... — Привстав, Катерина накинула на плечи клетчатую рубашку и тяжело вздохнула. — Везет же тебе.

— Чего везет-то?

— Как к тебе хорошо загар прилипает. Вон вся коричневая уже. А я только обгораю.

— Зато у тебя грудь, как у Брижит Бардо — вон какая! — утешила подругу Женька. — А у меня... стыдно смотреть...

— Ничего, вырастет еще!

— Ага, как же...

— Так ты в какой институт собралась? — Катерина улеглась на живот, вытянула ноги. — На кого?

— Ну-у... — задумчиво протянула Женя. — Наверное, в педагогический... или на юриста. Не решила еще. Да время есть подумать.

— А я так вообще не хочу в институт. — Сняв очки, Катя беззаботно рассмеялась. — Сразу бы на работу... Или для начала в какой-нибудь техникум. В любой. В какой — не важно.

— Как это — не важно? — привстав, возмутилась Женька. — Ты же в ветеринарный хотела... Или на агронома.

— Расхотела уже. — Катерина повертела в руках очки. Модные, большие. Точно такие же, как у подружки, предмет зависти многих девчат. Точно такие носил знаменитый польский артист красавчик Збигнев Цыбульский в детективе «Девушка из банка», который подружки как раз недавно посмотрели в клубе. Вернее, пересмотрели, первый-то раз ходили еще в прошлом году, летом. Фильм им очень понравился. Как и очки. Еще бы — в «Лентагизе» такие не купишь, даже в соседнем Тяньске не купишь, пожалуй, только в Москве!

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

— Знаешь, Жень, я бы, может, замуж... за такого вот, как тот артист, Цыбульский. Как в фильме! Ну, помнишь? Как они приехали на курорт и все такое... Вроде бы как по работе. А потом начали целоваться... Вот такая я эгоистка, да! Мечтаю о личном счастье... Мещанка, ага.

— Ой, ну тебя. — Женька фыркнула. — А кто в комитете комсомола всегда? Кто во всех общественных делах первый? Да мы с тобой, кто же еще-то? Лидка Шетинникова, что ли? Или Ермакова с Лейкиным? Нет! Все Мезенцева да Колесникова, Колесникова да Мезенцева! Не так? Да без вас, товарищ Катерина Мезенцева, весь школьный комсомол рухнет, а ты еще мещанкой себя обзываешь! На других посмотри!

Женька раскраснелась, даже поднялась на ноги, правда, тут же уселась на покрывало — с той стороны забора прокатил на мопеде какой-то пацан. А и нечего ему смотреть на загорающих девушек, мал еще!

— Ну ты, Колесникова, даешь! — Катя тоже уселась, скрестив ноги. — Этакую речугу задвинула.

— Так что — не так?

— Все так... Но личного счастья я тоже хочу.

— Кстати, о личном счастье... — поправив маечку, усмехнулась Женька. — Это, случайно, не тебя на мотоцикле видели? С участковым нашим, Дорожкиным...

— Нет, не меня! — Катерина замотала головой и, покраснев до самых ушей, тут же спросила: — А кто это тебе сказал?

— Да бабки у колодца говорили.

— Вот сплетницы старые! Подумаешь, один раз прокатилась...

— Сказали — в синем сатиновом платье!

— И не в сатиновом, а из крепдешина! — не удержавшись, похвалилась Мезенцева. — Отрез в Тянке

достали... тетя Фая, материна подруга. Там же в ателье и пошили.

— А! Так вот ты зачем в Тянск ездила — на примерку?

— Ну да...

Женька склонила голову набок и улыбнулась:

— Вообще, Дорожкин — неплохой парень, серьезный. И уже давно глаз на тебя положил!

— Ой, скажешь тоже...

— Положил-положил, не отпирайся! Пооди, лейтенант уже?

— Лейтенант... А мотоцикл у него — «Ковровец», ужас один! Представляешь — одно сиденье. Так Игорь поролон подложил... И все равно так трясло, до сих пор попа болит!

Девушки разом засмеялись.

— Значит, уже Игорь? — отсмеявшись, прищурилась Женька. — Завидую. Вот честно! Это все потому, что ты красивая. Не то что я... замухрышка какая-то. У тебя вон и грудь, и все... а я...

— Да не переживай ты! — Катерина обняла подругу за плечи. — Ты тоже очень даже ничего, хоть и худенькая... На певицу одну похожа французскую. Ну, помнишь, мы у тебя маленькую пластиночку слушали? Ма жёнессэ фуль кам... ла-ла-ла ла-ла-ла...

— А-а-а! Франсуаза Арди!.. Что, правда, похожа?

— Одно лицо! Только у тебя глаза красивее — синие-синие.

Подружки снова обнялись и рассмеялись.

— Завтра у тебя готовиться будем, — завязывая рубашку узлом на животе, предупредила Катя. — Заодно музыку послушаем. А сейчас пойдём-ка перекусим. Окрошку сделаем. У нас квас на хлебных корках. Ну и в залавке что-нибудь поищем. Мама сказала, чтоб без

нее обедали... Ой, Женька! Боюсь, как бы она не прознала про Анатолия!

— Про какого еще Анатолия? — Колесникова непонимающе сдвинула на лоб очки.

Модные очки эти, к слову сказать, прислал Катин старший брат Максим, вот уже около года служивший в Венгрии. Вот так вот — купил и послал. Две пары. Сестре и ее лучшей подруге. Женька обрадовалась. Она по Максиму еще с шестого класса сохла... Правда, это все в детстве было...

— Знаешь, у нас же с Дорожкиным ничего и нет. Все эти охи-вздохи — в прошлом все, — лукаво взглянув на подругу, призналась Катерина. — Да и простоват Дорожкин. Подумаешь, лейтенант! Тебе, как лучшей подруге, скажу — мне давно уже Анатолий нравится, Толик!

— Что еще за Толик? — Женька вдруг осеклась. — А-а! Уж не Анатолий ли Иванович, кружковод?

— Ну... угадала... — сконфуженно призналась Мезенцева. — Только ты пока — тсс... никому.

— А я-то думаю: с чего это ты в фотокружок записалась? Меня еще потянула... А ты вот оно что... Ну... Анатолий Иванович — мужчина красивый, видный... И на артиста Цыбульского похож — да! Только... не слишком ли для тебя старый?

— На десять лет всего-то! — с вызовом бросила Катя. — У меня, между прочим, папа старше мамы на двенадцать лет был. И ничего! Кабы не война проклятая, не раны, так до сих пор бы и жил...

— Да, война... — Женька вслед за подругой поднялась по крыльцу на веранду — летом Мезенцевы там частенько обедали. — Что же до того, что старше... Тетя Вера — женщина не такая уж и строгая. Не как иные, узнает — уж точно не прогонит и не изобьет.

Отца в семье Мезенцевых не было — умер от полученных на фронте ран. Мать же, Веру Ивановну, все в городке уважали и любили за легкость в общении и надежный характер.

— Так-то оно так, — доставая из залавка бидончик с квасом, вздохнула Катя. — Да Толику все девки на танцах глазки строят... Курвищи! Особенно Светка Кротова из десятого «Б»! Вот ведь...

— Ладно тебе ругаться-то... — Женя вымыла под рукомойником руки и обернулась. — Где у тебя ножик? Ого — колбаска! «Докторская», без жира! Откуда взяли?

— В леспромхозовском магазине выбросили.

— Здорово!

— Еще бы! — Катька наклонилась и принялась шарить в залавке. — Жаль, огурчики еще не пошли... Ага, вот и сметана! И мелкий лук... Чего еще надо?

— Еще яйцо бы.

— Так вот они, яйца-то. На той неделе в «Заре» взяли. Представляешь, без всякой очереди.

— Ну, в «Зарю» не за яйцами, за вином ходят. Ой, какие крупные! По рубль пять?

— Рубль тридцать!

— Дорого. Потому, наверное, и без очереди. Давай только одно сварим — нам хватит как раз.

— Нет, лучше два. — Катерина задумалась, помотала головой. — Мама с работы придет — тоже окрошку покушает.

— Верно.

Поставив варить яйца, девчонки нарезали аккуратными кубиками колбасу, покрошили тонкий лучок-порей да сбегали на огород — нарвали только что появившуюся молоденькую ботву. Все — на окрошку.

Вообще, времена нынче стояли не голодные, но и не очень-то сытые. Слава богу, волюнтаризм до городка докатился не особенно сильно — голодных бунтов не случилось. Однако приусадебные участки порезали, да со скотом и с домашней птицей стало куда хуже. В продуктовых магазинах все доставалось с очередями — даже за хлебом очередь, что же касается рынка, так там сразу после денежной реформы цены скакнули в разы и с тех пор толком так и не опустились.

Весна, начало лета — самое голодное время. Все прошлогодние запасы подъедены, а нового еще ничего не narosло. Еще месяцок — и пойдут овощи: лук, редиска, морковь со свеклою, а там и до картошки недалеко. Да и в лесу, рядом, — ягоды да грибы. Бери — не хочу, множество.

— Завтра пластинки послушаем. — Наливая в чугунок квас, Катерина подмигнула подруге. — «Лучший город земли» есть у тебя?

— Есть.

— Обожаю Магомаева! А еще что новенького? Не присылали из Риги?

Старшая сестра Женьки Лена вышла замуж за моряка, старпома из Риги. Туда и переехала и работала на радиозаводе ВЭФ. Женька ездила в Ригу почти каждые каникулы, покупала модные пластинки, которые потом слушала дома на проигрывателе-чемоданчике «Юбилейный». У Колесниковых еще была радиола «Ригонда», но эта считалась как бы родительская, «чемоданчик» же был подарен лично Женечке.

— Ну, кое-что прислали. — Очистив яйца от скорлупы, Колесникова потянулась к ножичку. — Да и сама весной ездила, купила ансамбль «Дружба». Наш, ленинградский...

— А! — перемешивая окрошку, вспомнила Катя. — Там еще девушка поет... похоже, нерусская.

— Эдита Пьеха.

— Ах, да-да! Так, говоришь, есть у тебя?

— Да, завтра послушаем.

Вытерев стол, Катерина разлила по тарелкам окрошку:

— Пожалуйста.

— Ой, как много-то! — округлив глаза, запротестовала Женя. — Я столько не съем.

— Съешь-съешь! Иначе грудь не вырастет!

Подружки от души расхохотались.

— Ой, хлеб-то забыла! — Вспомнив, Катерина вскочила со стула и убежала в дом. Вернулась с двумя кусочками черного, заодно включила обычное проводное радио, тут же запевшее песню про валенки, что «не подшиты — стареньки».

— О, «В рабочий полдень»! — обрадовалась Женька. — В прошлый раз Магомаева твоего передавали.

— «Лучший город земли»?

— Не, поспокойнее что-то... Может, и сейчас услышим чего...

— Да ты кушай, кушай! Ложку-то мимо рта не проноси.

— Это кто проносит?

Между тем по радио наконец закончили с «Валенками»...

— А теперь работники колхоза «Новый путь» Ленинградской области просят передать для своего агронома, Героя Социалистического Труда Валентины Ивановны Петровской какую-нибудь хорошую песню... Валентине Ивановне недавно исполнилось пятьдесят пять лет...

— Ой, Магомаева бы! — взмолилась Катя.

— Что ж, уважаемая Валентина Иванова, принимайте музыкальный подарок! — напроочь проигнорировав деви-

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

чьи просьбы, торжественно возвестило радио. — Выступает молодая эстрадная артистка Тамара Миансарова. Музыка Юрия Саульского, стихи Михаила Танича. Шуточная песня «Черный кот»!

— Ко-о-от!!! — дружно выдохнули девчонки и, бросив недоеденную окрошку, тут же пустились в пляс.

Жила да был, черный кот за углом,
И кота ненавидел весь дом!

Ах, видели бы учителя! М-да-а...

— Только черному коту и не везет!

— Ну вот! А ты говорила — «Валенки»!

— Ничего я такого не говорила!

После «Кота» началась передача про Нобелевскую премию знаменитого писателя Шолохова. Подружки это не слушали и, быстро уgomонившись, доели-таки окрошку.

— Хорошо у вас — радио можно и на веранде слушать, — облизав ложку, одобрительно покивала Женечка.

Катя потянулась:

— Так Максим еще года три назад протянул провод.

Старший брат Катерины Максим неплохо разобрался в радиотехнике, даже когда-то ходил в радиокружок в местный Дом пионеров и школьников. Правда, после школы в радиотехникум не поехал, а выучился в местном училище на шофера, а по весне был призван в армию. Попал служить в Венгрию, сначала — в город Секешфехервар, а нынче вот — в Будапешт, в столицу. Собственно, это было все, что подружки знали о Максe. Ничего более конкретного он им не писал, не имел права.

— Макс-то пишет? — посмотрев в окно, тихо спросила Женька.

— Да пишет... — Катя принялась мыть посуду в ручной мойнике. — Тебе ведь тоже...

— Редко. На четыре моих письма — одно ответное.

— Слушай! — резко обернулась Катерина. — Я ему напишу, чтоб он чаще...

— Да нет, что ты! Не надо.

— Хотя он и нам-то нечасто... Видать, служба такая. Армия — это тебе не детский сад! Тем более за границей. Кого попало не пошлют.

— Это уж точно... — Чуть помолчав, Женька вскинула брови. — Ну, что? Еще чуть-чуть поучим?

Катя покусала губы:

— Знаешь что... А давай перерывчик устроим? Ну, прогуляемся, что ли. А то башка уже не варит совсем! Анатолий Иваныч, кстати, просил зайти... Что-то там насчет практики.

— Ах, Анатолий Ива-а-аныч, — лукаво прищурилась Женечка. — Вот оно в чем дело-то! Так и сходи прогуляйся, а я домой...

— Ну, Женюль... — Катя взяла подружку за руку и жалобно заглянула в глаза. — Ну, пойдем, ну, пожалуйста. Ну, как я одна-то? И так уж все сплетни свели...

— А если вдвоем, так не сведут?

— Вдвоем — совсем другое дело, — серьезно отозвалась Мезенцева. — Тем более — с тобой. Ты у нас человек положительный, ответственный...

— Ладно, уговорила. — Женька махнула рукой. — Пошли. День-то какой! И вправду, чего дома сидеть?

— Я сейчас переоденусь и — айда. Я быстро.

Дожидааясь подружку, Женька натянула треники и вышла на крыльцо, бросила взгляд на старый сарай — летнее обиталище Макса. Ах, Максим, Максим... были же времена когда-то... И не так уж давно. Когда — вместе, вдвоем...

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

За сараем Максим всегда приглядывал лично — перед самой армией даже покрыл крышу старыми железными листами. Нынче листы эти валялись в траве, у забора — третьего дня был сильный ветер, почти ураган, вот и сорвало. Теперь уж кто починит? Никто...

Девчонка вздохнула — жаль, их с Максом дружба особого продолжения не имела. Да и была ли она вообще? Что общего между вальяжным красавцем-выпускником и сопливой восьмиклассницей? На Макса, между прочим, и взрослые девицы засматривались... Даже учительница-практикантка... которую убили потом... Ох, были дела...

— Ну как?

На крыльцо вышла наконец Катерина — в новых белых туфлях-лодочках, в синем крепдешиновом платье в мелкий белый горошек... м-м... не то чтобы очень уж коротком, но и не длинном — на пару ладоней выше коленок.

— Ой, Катька! Ну, ты даешь... — Оглядев подругу с головы до ног, Женя восхищенно покачала головой. — Брижит Бардо — вылитая! Бабуси у колодца оценят...

— Тьфу! — Катя махнула рукой. — Вот не можешь ты без ехидства! Ну, пошли.

— Стой, — вдруг напряглась Колесникова. — То есть как это — пошли? Ты, значит, Брижит Бардо, а я — в трениках да в старой майке? Не-е... Точно домой зайду. А то как-то...

— Да, как-то не очень выходит... — подумав, согласилась Мезенцева. — Ладно, к тебе так к тебе. Зайдем.

Совсем недалеко жила Женька Колесникова, да и весь городок был не особенно-то велик. Промкомбинат, молокозавод, колхоз, леспромхоз, больница. Еще — на самой окраине — училище механизаторов, а напро-

тив — две школы. Новая — кирпичная, просторная, светлая, и старая, деревянная — рядом, на холме. В старой до сих пор учились начальные классы — в новую все не помещались. Напротив новой школы также располагался и интернат — для тех, кто уж очень далеко жил, по таким жутким дырам, куда и автобусы-то не ходили.

— Ну... зайдешь? — Женька остановилась у калитки.

Подружка покрутила головой:

— Не. Я тебя тут подожду, на лавочке. Только ты побыстрее.

— Кто бы говорил-то?

Женечка долго не задержалась — коли на прогулку, так уж ясно, чего надеть. То же, что и в клуб, особого-то выбора все равно не было. Не в школьной же форме идти? И не в трениках.

Забежав в свою комнату, девушка распахнула шкаф и быстро переделалась... Белая узкая юбка длиною... нет-нет, не мини, пусть самую малость, но подлиннее. К юбке — светло-голубая нейлоновая блузка с короткими рукавами, сильно напоминавшая мужскую рубашку, — предмет зависти всех девчонок школы! Еще бы — настоящий нейлон! В тон блузке — гольфики, такие же светло-голубые...

И — широкий белый ремень с большой золотистой пряжкой! Шик, блеск, красота!

Юбку и гольфики покупали вместе с сестрой в Риге, блузку привез из плавания муж сестры, старпом. Заграничная! Еще и в меру плотная — не слишком просвечивает, не надо майку поддевать — жарко. С лифчиками для Женькиной груди были проблемы — такого размера просто не выпускали, приходилось ушивать большие — смотрелось это плохо, а носилось еще хуже. Так что лучше без ничего — вот так...

Глянув в большое зеркало в дверце шкафа, Женька осталась довольна. Причесалась, подумала еще расстегнуть на три пуговики блузку... Расстегнула на две, чтобы поскромнее. Да, на две — пожалуй, вот так... Или все-таки на три? Ладно, там, по пути, видно будет...

— Ух ты! — заценила подружку Катерина. — А очки-то что, забыла?

— Ой...

Так вот и пошли под ручку по центральной — Советской — улице в направлении автобусной станции, «на площадь», как говорили в городке. Там можно было срезать путь — пройти к Дому пионеров через стадион и клуб... ну и лесочком немного, так сказать, по козьей тропе.

Появление модно одетых подружек, конечно же, не осталось незамеченным — проезжавший мимо лесовоз — солидный «ЗИЛ-157» с прицепом-ропуском — едва успел притормозить на повороте, молодой водитель засмотрелся на девушек...

Отъехавший от автостанции междугородний автобус — серебристый, похожий на огромный дирижабль «ЗИЛ-127» — притормозил, посигналил... Усатый шофер в форменной фуражке и белой рубашке с галстуком, высунувшись в окошко, помахал девчонкам рукой.

— На дорогу смотри! — Катя, усмехнувшись, помала в ответ.

— Катька, очкиними! — вдруг напряглась Женька. — Вон бабуси с остановки идут...

— Здравствуйте, тетя Лена! Баба Матрена, здравствуйте!

— И вам, и вам здравствовать...

— Ой, какие девочки-то красавицы, ой...

— ...Курвищи, тьфу! И куда только родители смотрят? А еще, поди, комсомолки!

Хорошо, очки снять успели... А то бы еще в шпионки записали — запросто.

Последние слова подружки, конечно, не слышали... Впрочем, догадывались. Ну, ругаются бабули на молодежь — и что? Не сталинские времена нынче и не этот чертов... волюнтаризм!

Ведь как все же здорово было пройтись по городу — молодым да красивым! Все встречные мужики шеи свернули! И пусть потом их могут разобрать на комсомольском собрании, «поставить на вид», зато сейчас — как славно, как радостно-то! Как прекрасно вот так идти, ловя на себе восхищенные взгляды, радовать весь мир... и себя!

В школу, конечно, ходить в таком виде было нельзя, даже на вечера и прочие там «огоньки» да собрания. Хотя за внешним видом учащихся здесь, в провинции, следили не так строго, как в больших городах. Кто-то ходил в форме, а кто и нет — жили-то еще бедновато, далеко не каждый мог себе позволить школьную форму купить, особенно если семья многодетная, а такое сплошь да рядом.

С распущенными волосами и даже с каре в школу тоже нельзя. Женька хвостик завязывала, Катерина — косы, а многие — еще по старым временам — жиденькие «бараньи» рога-косички. Мальчишкам легче было — в парикмахерской полубокс или, там, полечку, сделал и ходи себе. Да и форма у них куда удобнее — у кого была. У девчонок же — совсем другое дело. Как царские гимназистки ходили — платье полушерстяное коричневое, неудобное — жуть! Жарко, ноги все время чешутся, еще и каждый день воротнички-манжетики отпарывай, перестирывай да обратно пришивай — вот прямо больше делать нечего! В младших классах это все мамы де-

лали, а класса с пятого уже сами... Еще и передник этот дурацкий — к чему?

Что же касается губной помады... Ну, тут не каждая старшеклассница осмеливалась даже на танцы в клуб! Соседи, не дай бог, увидят, родителям донесут... Ну а в школе с такими модницами вообще разговор короткий — половой тяпкой по губам и шагом марш в уборную — «все это позорище» смывать! То же самое касалось и туши для ресниц.

— Слышь, Жень... — Миновав площадь, Катерина хитро глянула на подружку. — Давно спросить хотела. У тебя с Алексом как? Ты это, извини, если что...

Алекс — он же Алексей (Леха) Кошкин, известный озерский стилига, учился двумя классами старше и по Женьке — все знали — вздыхал, постоянно снабжая ее самодельными пластиночками на рентгеновских снимках, «на костях». А может, и не вздыхал, может, ему просто нравилось с Колесниковой общаться: та тоже музыкой увлекалась, а «рыбак рыбака видит издалека».

Именно через Алекса Женька познакомилась не только с многочисленными рок-н-роллами, но и с «Битлз», и теперь частенько напевала «Э тест оф хани» и «Айлл фоллоу зе сан» — вот уж привязались песенки! В свою очередь, именно Женя давала послушать Алексу джаз и «французов», и не только выпущенного в СССР Ива Монтана, но и то, что в Союзе не выходило: Генсбур, Франс Галь, Франсуазу Арди. Все это богатство в виде маленьких, с большой дыркой, пластиночек для музыкальных автоматов привозил ходивший в загранку муж старшей сестры, той самой, из Риги.

Что же касается личных отношений... то, их, пожалуй, и не было. Да Алекс особо в воздыхатели и не напра-

шивался, скорее, ему было просто приятно с Женькой общаться, ну, с кем еще-то практически единственный в Озерске стилиага мог поговорить о Гленне Миллере или сравнить Билла Хейли с Элвисом Пресли. Теперь вот «Битлз» прибавились...

Наверное, в Озерске о них только двое и знали — Женька и Алекс. В прошлом году они даже как-то вместе пришли в библиотеку, в читальный зал, где читали ругательную статью о «Битлз», напечатанную в журнале «Крокодил». Статья называлась «Жучки-ударники и жук-претендент», в ней «Битлз» почему-то сравнивались с сенатором Барри Голдуотером, и предсказывалось, что «жучки» не смогут долго продержаться на гребне успеха: «не тот калибр».

На эту тему юные озерские меломаны даже заспорили: Алекс утверждал, что «Битлз» еще себя покажут, Женька считала, что «поживем — увидим». Тем не менее те битловские песенки, что она слышала, девчонке очень даже пришлись по душе.

В прошлом году в «Литературной газете» вышла еще одна ругательная статья известного композитора Никиты Богословского «Из жизни «пчел» и навозных «жуков», после чего старшая школьная пионервожатая Тая попросила Женьку рассказать о «Битлз» в таком же критическом духе на классных часах в пятых или шестых классах. Попросила со всей серьезностью, «как комсомолец комсомольца», вернее, комсомолку...

Колесникова тогда от этой почетной обязанности отказалась, заявив, что в творчестве «Битлз» не разбирается, а больше любит джаз... Ругать джаз уже было неактуально, и Тая отстала.

Алекс, не окончив десятый класс, перевелся в областное культпросветучилище. Как его туда взяли — с коком

на голове, в узеньких брючках, в ботинках на «манной каше», в модной курточке-«хулиганке»? Скорее всего, по большому благу — как-то, приехав под Новый год, Алекс проговорился про своего дядюшку-начальника...

— Никакая у нас с Алексом не любовь, если ты об этом, — замедлив шаг, улыбнулась Женя. — Мы с ним просто друзья, как и раньше. Да что говорить? Он же у нас теперь ленинградец!

— Это да-а. — Покивав, Катерина вытащила из сумочки зеркальце, посмотрелась...

Женька фыркнула:

— Да хороша, хороша!

— Ах, Женечка... Сама знаешь, сколько девок вокруг Толика вьется!

— Да уж, Анатолий Иванович — мужчина хоть куда!

Анатолий Иванович Резников появился в Озерске недавно, то ли в конце зимы, то ли в самом начале марта. Просто приехал и устроился на работу в Дом пионеров — вести фотокружок и еще на полставки — ночным сторожем. Молодой двадцатилетний красавец-брюнет с загадочно-туманным взором сразу же привлек к себе внимание всей девичьей части Озерска.

Еще бы — холостой мужчина, да еще с налетом некоей загадочности и тайны. Какой черт принес его в эти края?

Всегда чисто выбритый, пахнувший дорогим одеколоном, Анатолий Иванович (для друзей и начальства просто Толик), даже приехав в провинцию, одевался изысканно и со вкусом. Кремовый заграничный пиджак, темные зауженные брюки, штиблеты с длинными носами и светлый супермодный свитер-водолазка! Да уж, это вам не доморощенный стилига Алекс, пополнявший

свой гардероб у знакомой портнихи. Здесь сразу же угадывался утонченно-шикарный фирменный стиль...

И что такой человек потерял здесь, в Озерске? Откуда он приехал, зачем, почему? Над этими вопросами сломала голову не одна девчонка... коих новый кружковод отнюдь не чурался, но и головы не терял.

В конце концов через отдел кадров и директора, а кое-что Толик и сам рассказал, выяснилось: Резников приехал из Тарту, что в Эстонии, собственно, не так уж и далеко, почти рядом. Просто сбежал от нелюбимой жены, с которой развелся, но, как оказалось, зря! Некая загадочная возлюбленная — не жена, другая — бросила Толика ради красивой жизни, выйдя замуж за капитана торгового судна (более осведомленные говорили — за первого секретаря местного райкома партии). Как бы то ни было, несчастный молодой человек вынужден был уволиться с работы и переехать... в Озерск, потому как его бабушка или мать были отсюда родом.

— А вообще, я и рыбалку люблю, и природу фотографировать, — сразу же пояснил он директору. — А места здесь у вас — красивейшие. Да и, скорее всего, ненадолго я к вам — год-другой... Хотя, если вдруг встречу свою судьбу, кто его знает?

Директор Озерского Дома пионеров и школьников Аркадий Ильич Говоров новому сотруднику очень обрадовался: должность надо было закрыть срочно, до конца первого квартала, иначе в гороно грозились срезать ставку. Так что нового кружководом Говорову послал сам господь бог... в лице начальника отдела кадров местного горисполкома товарища Раскатова, а вот кто попросил его? Как понял Аркадий Ильич из телефонного разговора — какой-то старый знакомый, профессор из Тарту... Ну, профессор так профессор, да кто бы ни попросил —

как раз все сошлось! Бежавший от жизненных неурядиц Анатолий Резников нашел на какое-то время приют для своей мятущейся души, а директор Дома пионеров закрыл горящую ставку новым сотрудником.

— Ну что ж, Анатолий Иванович, хоть на какой-то срок... благодарю за откровенность. Да в иное, честно говоря, и не поверил бы... У вас образование какое?

— Четвертый курс Института культуры... Академический отпуск...

— Ага... Очень хорошо — незаконченное высшее. Только вот, Анатолий Иванович, с зарплатой у нас, сами понимаете... Ставка кружководы — семьдесят три рубля. Правда, есть еще возможность на полставки подработать ночным сторожем...

— Отлично! — Новый кружковод выглядел вполне довольным. — Так и сделаем. Да, я еще публикую свои фотографии в журнале «Советское фото». Неплохо платят.

— Да? Вот не знал...

Так и появилось в Озерске новое лицо, на женский вкус — довольно-таки симпатичное. С подачи директора новый кружковод без особого труда получил комнату в двухэтажном деревянном доме в самом начале улицы Школьной. Комната, конечно, требовала ремонта, как и сам дом, но это уже не так важно, главное — свое жильё!

Трудился Анатолий Иванович вполне добросовестно, группы набрал быстро и даже инициировал покупку новых фотоаппаратов для своего кружка. Лично ходил в исполком и выбил деньги, на которые и были приобретены четыре фотоаппарата марки «ФЭД-3» с объективами «Индустар», автоспуском и оптическим

видеоискателем с дальномером. Да уж, «ФЭД» — это вам не какой-нибудь там «Любитель» или «Школьник» — вещь серьезная!

Миновав клуб, выстроенный на пригорке сразу за стадионом уже после войны пленными немцами, девчонки обогнули песчаный карьер, немного прошли лесом и, свернув на Школьную улицу, выбрались к Дому пионеров. Не по-деревенски длинное здание, обшитое досками, с высоким крыльцом и большими светлыми окнами, располагалось на самой окраине городка, невдалеке от автобусной остановки, разрисованной местной шпаной разными непотребностями, словно какая-нибудь доисторическая пещера! Костер жгли, вино пили, заодно углем рисовали да писали разные мерзости — неандертальцы, что уж поделать. Участковый Дорожкин их гонял, но так, время от времени — ему куда более важных дел хватало. А народ жаловался — мол, с такими-то пещерными остановками мы никогда коммунизм не построим. Так ведь и не обещал никто коммунизм в ближайшем обозримом будущем! Это раньше обещали, когда волюнтаризм был.

— О! — Оглянувшись на остановочную будку, Катя скривила губы и фыркнула, оценив надписи и рисунки. — «Катька дура» — это не про меня. Я ведь умная.

— Ой, опять про Бальзака... И рисунки все те же — одна похабщина, — поддакнула Колесникова. — Не лень же такое малевать? Участковый-то твой куда смотрит?

— И не мой он вовсе. — Поправив косу, Катерина махнула рукой.

Позади послышался рев мотоцикла. Судя по звуку, мотоцикл был тяжелый, не какой-нибудь там «Ковро-

вещ», возможно, с коляской даже... Трофейный немецкий «БМВ»...

Девушки обернулись. Из-за поворота выскочил милицейский «М-62», синий, с красной полосой на коляске. Выскочил и тут же затормозил, подняв тучу пыли. Подружки закашлялись.

— Здорово, девчонки! — заглушив двигатель, во весь рот улыбнулся мотоциклист, худенький симпатичный парень в расстегнутом синем кителе с погонами лейтенанта милиции и форменных галифе — участковый уполномоченный Дорожкин.

Подружки переглянулись — вот ведь, ну надо же — только вспомнили...

— Здравствуйте, Игорь... Яковлевич...

— А с остановкой я разберусь, разберусь, вычислю гадов!

Судя по этой фразе, участковый умел читать мысли!

— Вы велосипедистов тут по пути не видели?

— Не, не видели. А что?

— Да так, — погладив руль, тяжело вздохнул лейтенант. — Опять кражи пошли. И главное, воруют-то всякую дрянь и — друг у дружки. Потом друг на друга же и жалуются. У вас, кстати, тоже велики есть? Так что смотрите.

— Ну, у нас не дрянь, — обиженно прищурилась Катя. — У нас нормальные.

— Все равно внимательней будьте, где попало не оставляйте...

Налетевший ветер растрепал светлую челку лейтенанта, форменная, с красным околышем, фуражка, как всегда, валялась в коляске.

— Что, в студию не ходите больше? — искоса взглянув на Катерину, поинтересовался Дорожкин. — Сергей спрашивал.

Сергей — Сергей Валентинович — был заведующий клубом и бывший одноклассник Дорожкина. На танцевальную студию участкового загнало начальство — по присланной из райкома комсомола разнарядке, утвержденной служебным письмом Министерства охраны общественного порядка РСФСР: «В целях повышения культурного уровня сотрудников советской милиции». Министерство охраны общественного порядка (МООП) с 1960 года заменило упраздненное МВД, о восстановлении которого ходили самые упорные слухи...

Ну а где служебное письмо, там и отчеты. Деваться некуда, вот и пошел участковый в танцевальную студию! Катерина тоже пошла. Только Дорожкин — по приказу, а Катя — потому что Дорожкин. Он ей тогда нравился. Пока Анатолий Иваныч — Толик — не появился... Кстати, все говорили, очень даже неплохая пара получилась! Не только вальсы да всякие там па-де-спани танцевали, но даже и танго... «Ах, эти черные глаза-а...»

— Да некогда мне сейчас ходить, Игорь... Яковлевич. — Стрельнув глазками, Катя мило улыбнулась. — Экзамены. Готовимся вот.

— Поня-атно... Ой, может, вас подвезти? — вдруг спохватился лейтенант. — Вы куда идете?

— Да мы пришли уж. — Катя кивнула на клуб и тут же соврала: — Аркадий Ильич звал насчет практики.

— Ну, раз Аркадий Ильич... — Дорожкин тряхнул челкой и запустил двигатель. — Девчонки... ветлечебница открыта еще, не знаете?

— Не, не знаем. А зачем вам ветлечебница? Служебную лошадь выдали?

— Ха-ха! Ну, пока, шутницы! Мне еще на метеостанцию... Да, девушки, вы бурю-то помните? Ну, три дня назад была.

Катерина скривилась:

— Ой, ну скажете тоже — буря! Просто сильный ветер. Да и то недолго.

— Ой, у нас белье унесло! — припомнила Женька. — Главное, только-только развесили!

— Ха, белье! — Катя уперла руки в бока. — У нас вообще крышу сорвало!

— Крышу?! — В голосе участкового звучала какая-то непонятная радость. — Ну, ничего себе! Прямо с избы?

— Да не с избы — с сарая... — охолонула Женька. — Всего-то два ржавых листа и слетело. Максим в армии — вот и некому прибить.

— Хотя и сарай, а все равно крыша. — Узкое лицо участкового сделалось вдруг необычайно задумчивым и даже каким-то загадочным. — Катя... мне сейчас некогда, а вот после обеда заглянула бы ты в отделение? Мне тебя опросить надо... Ну, по крыше...

— Х-хо!

— Очень надо, поверь!

— Ладно, может быть, загляну.

— Вот и славненько! Ну, счастливо.

Резво рванув с места, мотоцикл скрылся за поворотом.

— Хорош гусь! — сняв очки, неожиданно нахмурилась Катерина. — Даже не сказал, как мы классно выглядим! Вот ведь тетеря. Такому и впрямь только на лошади и ездить. На хромой кобыле. Как дядюшка твой, конюх. И не пойду я ни в какое отделение, вот еще!

— Да дядюшка мой не на хромой... А к Дорожкину ты все же зайди. Сказал ведь — очень нужно.

— Чурбан тупой! Платье мое даже не заценил... и твою блузку!

Ох, вовсе не со зла не оценил девичью красоту участковый Дорожкин, не со зла. Не до того ему было: в последнюю — перед отпуском! — неделю навалилась вдруг куча дел, хоть и мелких, так ведь и их нужно было переделать, не оперу же оставлять? Хоть и мелкие дела, а сколько писанины? Два ведра чернил уйдет! Да и не отпустит начальник в отпуск, пока все дела не сданы. Вот и приходилось крутиться с раннего утра и до самого позднего вечера. Ничего, в отпуске можно будет отдохнуть — махнуть на дальние озера, в вепские непроходимые леса. Недели на две, на рыбалку! Вот где красота! И главное, ни бумаг, ни начальства, ни сроков. Эх-х...

Свернув к озеру, Дорожкин погнал мотоцикл к высохшему болоту и, удачно миновав старую гать, покати́л прямо по лугу. Там, за озером, в маленьком зеленом домишке располагалась метеостанция со всеми полагающимися приборами.

Метеоролог — женщина средних лет в рабочем комбинезоне и клетчатой рубашке-«ковбойке» деловито красила во дворе метеобудку. От своего занятия она оторвалась с неохотой и долго не могла понять, какую именно справку от нее нужно?

— А, ветер... Да не такой уж и сильный — порывами... Ну да, три дня назад. Провода вон порвало... Так написать, чтоб понятно? Указать метры в секунду?

— Да. Так и напишите — сколько. А в скобках укажите, что ветер относится к сильным.

— Хм... ну, разве только для наших мест.

После метеостанции Дорожкин заехал в столовку, взял на полтинник комплексный обед: борщ, пюре с кот-

летой, салат из квашеной капусты и компот. Столовая находилась как раз напротив ветлечебницы...

Слава богу, вислоусый ветеринар Василий все заботы участкового понял правильно.

— Курица? Конечно, птица. А вы думали кто? Хи-хи, динозавр? Ну да, иногда и летает. Недалеко, правда, но — да. Я хоть и не орнитолог, но... Осмелюсь спросить, а что, кто-то кур никогда не видал? Ах, справку... Ну, это пожалуйста.

* * *

— Анатолий Иванович? — Директор Дома пионеров поправил мешковатый пиджак. — Так он на обеде еще. Скоро придет. Вы, девочки, во дворе подождите, там ребята уже...

Во дворе, сразу же за крыльцом, человек семь ребят класса из пятого-шестого играли в «гуси-гуси, га-га-га». Встав в две шеренги напротив друг друга, сцепились за руки...

— Пятого-десятого — Стрекозу к нам сюда! Маринка, беги, чего стоишь-то?

— А? Ага!

Опомнившись, Маринка Снеткова по прозвищу Стрекоза, с тонкими косичками пигалица лет двенадцати, наклонила голову, словно бык на корриде, и отважно бросилась на прорыв. Да вот беда, по пути споткнулась и полетела в траву... Правда, тут же вскочила на ноги, заулыбалась:

— Скользко! Ой! И под ногами что-то валяется...

Под ногами валялась старая, проржавевшая местами табличка, синяя, с серебристыми буквами: «Озерский районный Дом пионеров и школьников». Озерский

район упразднили еще года два назад, райцентром стал Тянск, а Озерск — так себе городок... остался. Архив, военкомат, райком и даже редакция местной газеты «Коммунист» — все переехали в Тянск, хорошо хоть кустовая больница осталась, да еще сельскохозяйственное училище. Ну и школа — как же без нее-то?

Нынче вывеску на крыльце повесили другую: «Озерский Дом пионеров и школьников», вот так.

— Здравствуйте, ребята! И вы, девушки, здравствуйте!

Анатолий Иванович Резников наконец-то явился во всей своей красе, правда почему-то не в пиджаке и остро модной водолазке, нынче педагог был одет попроще: спортивные шаровары с кедами и синяя на короткой молнии олимпийка, которую тоже еще попробуй, достань!

Подтянутая фигура, темные волосы, волевой чисто выбритый подбородок... И дорогой одеколон — на весь двор! Ах-х... Не кружковод — артист!

Поздоровавшись с мелюзгой и отдельно поприветствовав старших, Анатолий Иванович подошел к мелкой Маринке, ласково положив ей руку на плечо:

— Ну, здрасте-пожалте! Не ушиблась?

«Здрасте-пожалте» или «здрасте-пожалста» — было такое у Резникова любимое присловье. Как у некоторых — «это самое», «б-э-э», «м-э-э», «э-э» или чего похуже.

— Не-а... Анатолий Ваныч, тут вон чего! — Мотнув головой, девочка указала на вывеску.

— А! Так это ее, верно, ветром от крыльца отнесло... Ветер-то какой был!

— Ой, у нас забор повалило!

— Это старый-то?

— Да не забор у вас и был-то!

— У нас не забор? Да я как сейчас...

— Так, стоп! Здравствуйте-пожалте! — Разняв мелюзгу, Резников торжественно поручил им вывеску. — Несите к сараю, от греха. И... куда мы сейчас с вами отправимся?

— На карьер! — хором прокричали ребята. — Фотографировать лес.

— Не, здрасте-пожалте... — Бросив взгляд на старшеклассниц, Анатолий Иваныч поспешно спрятал улыбку. Уж конечно, в таком виде им не на карьер идти — на подиум!

— На карьер мы как-нибудь в следующий раз...

— У-у-у, а вы говорили — на карьер!

— Нынче мы с вами — на озеро.

— Ур-ра-а! Анатолий Ваныч, на какое озеро? На Маленькое или на Среднее?

— На Маленькое... Там луга какие! Цветы!

— Ага... А искупаться можно будет?

— Ну, здрасте-пожалте... У кого купальники есть. — Расхохотавшись, Анатолий Иванович шутливо погрозил пальцем. — Однако прошу не забывать, главная наша задача — что?

— Что?

— Научиться делать высокохудожественные снимки!
Все понятно?

— Ага!

...Тогда за мной. За фотоаппаратурой... Будем снимать пейзажи и... — Тут кружковод оглянулся на девушек. — И пожалуй, портреты тоже. Прекрасно выглядите, Катерина! И вам, Женечка, эта блузка очень идет.

Девчонки смущенно зарделись. Впрочем, именно на такой эффект они и рассчитывали.

Взяв фотоаппараты, ребята всей ватагой направились к озеру. Миновав тенистую лесную дорогу, вышли на луг, тут же взорвавшийся прозрачными шариками одуванчиков. Уже распускались ромашки и клевер, прогля-

дывали кое-где первые колокольчики и разноцветные луговые фиалки, а ближе к озеру — лютики.

— Ах, что же за красота!

Шелестела, качаясь, трава, клонились к самой воде ивы, в отмутке, за камышами и рогозом, плескалась рыба...

— Все же какие красивые у вас места... А ну-ка, Женечка, снимите... Смотрите в видоискатель... Дайте больше диафрагмы... Выдержку меньше... ага... Теперь старайтесь, чтобы этот куст получился резким, а все остальное — как бы размытым... Катерина, у вас как? Получается?

— Да, вроде бы да... Анатолий Иванович, а давайте вместе сфоткаемся?

— Здравсте-пожалте! Ну, говорил же — фотографироваться не люблю! Я не фотогеничный, девушки, не то что вы... Вы лучше мне про места ваши красивые расскажите. Вот, к примеру, эта дорожка куда ведет?

— Эта? На Школьную.

— А дальше?

— Дальше — на грунтовку выходит, по деревням. — Катя наморщила носик. — Там фермы еще... И усадьба заброшенная.

— Да-да — усадьба, — подхватила Женька. — Графа Возгина... Он после революции за границу сбежал граф-то, а усадьба... Там до войны лагерь полевой на сенокосах был, а сейчас ничего нет — деревни-то переселили. Но места там красивые, у меня там бабушка раньше жила.

— Точно красивые? — Покрутив объектив, Анатолий Иванович направил фотоаппарат на девушек. — А ну-ка, улыбнулись... Оп!

— Красивейшие там места! — мечтательно прикрыв глаза, протянула Женя. — Прямо глаз не оторвать! Там

такие пологие холмы, долины и лес. И усадьба, конечно же...

— Я почему спрашиваю, думаю, куда бы нам походом пойти, — тут же пояснил кружковод.

Подружки обрадованно переглянулись.

— Ой! С ночевкой?

— Ну разумеется. — Анатолий Иванович как ни в чем не бывало пожал плечами. — От Дома пионеров, со всей нашей мелюзгой. А вы бы — вожатыми, в качестве практики. Если хотите, конечно.

— Ой, у нас экзамены...

— Так вы уж к тому времени сдадите... И помните, я как-то про практику говорил?

— Не знаю даже... — задумчиво прошептала Женя.

Ушлая подружка тут же ткнула ее локтем в бок:

— Конечно, Анатолий Иванович, пойдём! Хоть сейчас записывайте.

— Ну, вот и славненько! А то мне одному с мелюзгой тяжело... А начальство поход требует. По плану, видите ли...

Потянувшись, Резников посмотрел вдаль:

— Здравствуйте-пожалста... вот и велосипедисты...

— И кто бы это? — настороженно всмотрелась Катя. — Господи, Кротова... Ишь ты, вырядилась, ага...

Велосипедистка быстро приближалась. Дамский, с низкой рамой, велосипед, красивый, блестяще-синий, изящный, как-то не очень гармонировал с одеждой его владелицы — долговязой рыжеволосой девицы, впрочем вполне даже симпатичной.

К такому велосипеду, наверное, больше пошла бы изящная длинная юбка, блузка с цветами и шляпка... но уж никак не короткие спортивные трусы с белыми лампасами и майка, завязанная узлом сильно выше

пупка. Стройные загорелые бедра, упругий живот, угадывающаяся под майкой грудь — девушка явно знала себе цену.

Еще бы... Светка Кротова окончила десятый класс и считалась оторвой. Поговаривали, что Светка частенько дерется на танцах, да и вообще, связалась с дурной компанией, так что оторви да брось! И надо ж такому случиться, что Кротова тоже положила глаз на нового кружковода! Даже записалась в фотокружок.

— Ну вот, только ее и не хватало, — склонившись к уху подруги, рассерженно зашептала Катька. — Специально так оделась... вернее, разделась... Вот ведь зараза, а? И как только не стыдно?

— Здравствуйте, Анатолий... Девчонки, привет...

Ишь ты — Анатолий! А с девчонками через губу — «привет»...

— Еле вас нашла... Аркадий Ильич сказал, что вы к озеру... Ой, меня сфоткаете? Класс! Славно! Анатолий, а вы завтра на танцы пойдете? И я тоже пойду... Говорят, Сережа новые пластинки привез. Потанцуем!

К чести Анатолия Ивановича, надо сказать, тот держался с развязной девицей вполне корректно и ровно, не позволяя себе даже усмешки.

— Фотографироваться? Что ж, здрасте-пожалте, идем. Вон у того камня прекрасный вид... Ну, с кого начнем? Давайте с вас, Женечка. Поставьте ногу на камень... вот так, да... Снимите очки... дайте сюда... Теперь задумчиво смотрите вдаль... Оп-па! Катя, давайте снимите подружку... И вы, Светлана, улыбнитесь... Ну, улыбнитесь же! Ах, какая у вас улыбка красивая...

После таких слов Кротова аж вся расплылась!

— Анатолий... вы меня, пожалуйста, у озера снимите... И вот у тех красивых цветов...

Мелюзга между тем отважно бросилась купаться, не обращая внимания на холодную воду — на дне Маленького озера било много ключей, и водичка здесь прогревалась куда медленнее, нежели на соседнем Среднем. Зато и почище была!

Лишь один мальчишка, Ващенко Коля, не купался — сидел себе скромненько на берегу с книжкой, надвинув на нос очки. Вокруг не смотрел, на купающихся ребят не отвлекался, видно, читал что-то по-настоящему интересное, иногда даже смеялся. Ну, что с него взять — отличник, зануда, книжный червь! Так его все и звали. От природы стеснительный, худенький, со светлою челкой, Коля жил вдвоем с мамой, Валентиной Кирилловной, детским врачом, женщиной хорошей и доброй, правда слишком доверчивой. Дети звали ее тетя Валя, а многие просто — Валя, поскольку ведущему педиатру Озерской кустовой больницы не исполнилось еще и тридцати. Красивая, светлоглазая, худенькая, она привлекала многих мужчин, но, увы, один раз обжегшись, была холодна. Именно Валентина привела сынишку в фотокружок, чтобы Коля хоть с кем-то общался. Сам-то бы он ни за что не пришел — застеснялся, так бы и просидел в своей библиотеке.

— Айда нырять, парни! А вот кто до того берега? Кто?

— Ох, не утонули бы! — озабоченно спохватился Резников.

Бросив девчонок, подбежал к мосткам:

— А ну-ка, на общее фото! Быстренько вылезли, построились... Во-он у той березы... Девушки! Давайте к нам...

По возвращении домой Женька еще издали заметила белеющее сквозь дырки почтового ящика письмо. Сердце так и кольнуло — вдруг от Максима? Ну, вдруг?

Зажмурясь, девушка вытащила конверт... медленно распахнула веки...

Ну, точно — Максим!!!

Усевшись прямо на ступеньку крыльца — да черт с ней, с юбкой, — Женька разорвала конверт и...

«Женя, беда! Срочно нужна твоя помощь!»

ГЛАВА 2

Озерск. Июнь 1965 г.

Отделение милиции располагалось в приземистом деревянном здании, сильно вытянутом в длину, выкрашенном в бодрый ярко-зеленый цвет — на радость проходящему мимо люду. Рядом с милицией, с торца, виднелся пожарный водоем, именуемый местными жителями пруд. В пруду плавали утки. Как раз в этом месте центральная улица Озерска — Советская — делала резкий поворот, о чем всех водителей честно предупреждали соответствующим дорожным знаком. Однако некоторые водители постоянно на что-то отвлекались либо вообще были подслеповаты. Так, кроме уток, в пруду частенько «отдыхала» какая-нибудь автомашина, а иногда и трактор. Хорошо — неглубоко, технику доставали быстро.

Завидев оставленный у крыльца мотоцикл, Катерина Мезенцева сняла очки и, одернув платье, вошла в помещение...

— Здравсте, дядя Петя! И ты, Николай, здравствуй!

Проходя мимо дежурки, девушка вежливо поздоровалась, как и принято было в городке, где почти все друг друга знали.

— И тебе привет, Катерина. Что, брат-то пишет?

— Да пишет... Лейтенант Дорожкин на месте?

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

— Лейтенант Дорожкин на месте, — усмехнулся уса-
тый старшина. — Как раз только-только явился.

Покосившись на строгую табличку с фамилией,
званием и должностью, девушка осторожно постучала
в дверь:

— Можно?

Участковый оторвался от заваленного бумагами стола,
вскинул голову:

— А! Заходи, Катя. Чаю хочешь?

— Не, я на немножко. Чего звал-то?

— Да ты садись. — Шмыгнув носом, участковый
указал на стул и, положив перед собой чистый бланк,
обмакнул перо в ученическую чернильницу-непроливай-
ку. — Ты про крышу вашу расскажи, Кать. Ну, которую
ветром...

— А, вон ты про что! — усаживаясь на стул, хмыкнула
Катерина. — А я уж и забыла. А что, тут преступление,
что ли? По-моему, так никакого. Или ты ветер привлечь
собираешься?

— Да ладно тебе заедаться-то. — Дорожкин устало
улыбнулся. — Ты по отчеству-то у нас кто?

— Петровна.

— Значит, я, Мезенцева Катерина Петровна, одна
тысяча девятьсот...

— ...сорок девятого...

— ...сорок девятого года рождения, седьмого марта,
кажется?

— Ну да, седьмого... А ты что, забыл?

— Да не забыл — просто уточняю... Итак, в тот день
был сильный ветер... Нет! Очень сильный ветер.

— Скажи еще — ураган!

— Давай про ветер расскажи! Про то, как крышу с ва-
шего сарая сдуло...

— Тоже мне, крыша! — расхохоталась девчонка. — Давно уже проржавела вся.

Лейтенант замечание проигнорировал, наоборот, аккуратно записал, что крыша была из кровельного железа.

— Больше-то ничего не сдуло? Забор не повалило?

— Не, забор — это не у нас. А! Белье у соседей унесло...

— Понятно... — Аккуратно промокнув чернила розовой промокашкой, Дорожкин пододвинул бланк посетительнице. — На вот, распишись здесь... Ага, спасибо. В клуб завтра пойдешь?

— Да, может быть, — поднимаясь, улыбнулась Катя. — Чего еще делать-то? Ладно, увидимся... Если еще чем помочь, скажи.

— Скажу... Брат пишет?

— Угу... Ну, пока...

Выходя, девушка столкнулась в дверях с коротко стриженным крепышом в серой, с закатанными рукавами рубашке и вежливо посторонилась... Впрочем, крепыш тут же и сам отскочил в сторону, сделав галантный жест:

— Прошу.

— Спасибо.

— Завсегда пожалуйста.

Парня этого Катерина знала — он тоже работал в милиции, правда, в форме редко ходил... Как же его? Тоже Игорь, как Дорожкина? Нет, другое какое-то имя... странное... купеческое, что ли... Игнат!

— Ничего себе, какие к тебе девки ходят! — Игнат уселся на подоконник и вытащил серовато-синюю пачку с изображением черного всадника-абрека на фоне ослепительно-белых гор. — Кури!

— Ух ты, «Казбек»! — Взяв папиросу, Дорожкин чиркнул спичкой. — Богато живешь! Раньше-то «Примой» перебивался...

— Да я бросаю... второй год уже... — выпустив в распахнутую форточку дым, отрывисто пояснил Игнат. — Потому и покупаю подороже, чтобы много не брать. «Прима»-то — четырнадцать копеек, а эти — шестьдесят пять. Сравни!

— Да уж, интересная метода. Я тоже, кстати, бросаю... — Страхнув пепел в стоявшую на краю стола фарфоровую пепельницу, участковый покачал головой и поинтересовался насчет текучки: — По мотоциклу-то Дормидонтыч тебе материал расписал?

— А кому же. Там же без лиц... Хорошо хоть, мотоцикл нашелся.

— Да, хорошо... Игнат, ты не думай, я все свои материалы к отпуску сделаю, тебе не оставлю.

— Да мне-то чего? Дормидонтыч проговорился: на твой отпуск участкового из Тянска пришлют... Может быть. Какого-нибудь стажера.

Дорожкин многозначительно поднял вверх указательный палец:

— Вот именно — может быть! А насчет стажера так скажу — лучше уж самим. Большого толку от него все равно не будет.

— Да это понятно, что не будет. И все же Дормидонтыч обещал...

Майор милиции Иван Дормидонтович Верховцев, фронтовик и вообще человек уважаемый, как раз и был начальником Озерского отделения милиции, в котором, кроме участкового Дорожкина, техника-криминалиста Теркина и всех разных прочих, состоял в должности инспектора уголовного розыска и старший лейтенант ми-

лиции Игнат Ревякин — парень добросовестный и честный, правда немножко грубоватый. По работе Игнат за словом в карман не лез и к любому начальству относился без всякого пиетета, все, что думал, мог высказать прямо в глаза. Вот и сослали его из Тянска в провинцию... Что, наверное, не так уж было и плохо: кругом природа — озера, речка, леса, ягоды-грибы, охота-рыбалка. Тут же и родственница его жила — тетя Глаша, да еще комнатенку в бараке дали. И что с того, что в бараке, зато своя! Да и соседи хорошие... Ну и оперативная работа, что и говорить, интересная...

— Так у тебя это... материалов-то много? — выбросив окурочек в форточку, на всякий случай поинтересовался опер.

— Да так... Самое главное — по курам — я уже отказал, один чертов велик остался. Вот его точно тебе передадут. Уж извини...

— Ладно, разберемся... — Игнат потер ладони. — А по курам-то что?

— Так отказной только что вынес! На вот, взгляни... Может, какие ошибки заметишь, ты же у нас студент!

Ревякин четвертый год учился заочно на юридическом факультете и периодически уезжал на сессии, о чем все в отделении знали.

— Ну, давай... «Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела»... так-так... «мной, участковым... лейтенантом милиции»... тыр-пыр... «установлено»... Ого!.. Ага!.. Ух ты!

По мере чтения лицо инспектора УГРО выразило целую гамму быстро сменяющихся чувств — от легкой заинтересованности до деланого негодования и самого искреннего восхищения, закончившегося раскатами громового смеха.

— Ой, Игорек... Ой, не могу... Курица, говоришь, птица? Умеет летать? Меткое наблюдение... Ох ты ж... Глубоко копаешь!

— Это не я копаю, — обиженно отозвался Дорожкин. — Это в справке из ветлечебницы так написано. Вон же, читай!

— Ох ты... Еще и с метеостанции справка... О сильном ветре... Ну да, ну да, ветер. Смотрю, и граждане опрошены... Белье улетело... Ого, у некоторых даже крышу снесло!

— Между прочим, из кровельного железа!

— Да я верю, верю... А в чем там дело-то?

Участковый покосился на висевший над сейфом портрет нового первого секретаря ЦК Леонида Ильича Брежнева. Потрет Игорю нравился, как и сам новый партийный глава — бровастый такой, красивый... не то что недавний волонтерист Никита Сергеевич!

— Так дело в курах, Игнат, — усмехнулся Дорожкин. — На Колхозной, ближе к окраине, у бабки Салтычихи двух кур унесли. Там эти неподалеку живут, Дебелый да Ванька Кушак...

— Понял. Алкашня конченная. Короче, сожрали бабкиных кур.

— Сожрали... Только доказательств тому никаких нет! А гражданка Салтыкова Дарья Семеновна, бывший секретарь, грамотная. По малозначительности не откажешь.

— И как это — доказательств нет? — не поверил опер. — Они что же, под одеялом этих чертовых кур жрали?

— Рядом, в лесочке... На костре опалили, запекли и... Под самогонку-то — милое дело.

— Да уж, по самогонку-то... Что — вдвоем?

— Еще Валька Кобыла. Но она, сам знаешь, не расколется. И эти гады молчат — знают, что на волоске ходят.

Участковый досадливо скривился и снова закурил, на этот раз свои — «Приму». Ревякин тоже вытащил папироску — так, за компанию. Затянулся, посмотрел в потолок и задумчиво произнес:

— А вот эта твоя справка из метеостанции мне так очень даже нравится! Слушай, дай-ка я копию сниму... Еще бы и людишек адреса — ну, тех, что про ветер...

Дорожкин про себя хмыкнул: опер явно что-то задумал, захотел списать какой-то гнилой материал... Что ж, удачи.

Докурив, Ревякин ушел было, но тут же приоткрыл дверь, показав большой палец:

— А девчоночка-то — ничего! На французскую артистку похожа... Эту, как ее... Ну, Бабетта... Брижит Бардо!

* * *

«Женя, беда! Срочно нужна твоя помощь...»

Колесникова еще раз внимательно перечитала письмо, уже в своей комнате, перечитала и теперь не знала, что делать и как поступить.

«...Вся беда в сестре моей, Катьке. В том, что она снова влюбилась, о чем и мне хвастала, написала. И какая любовь может быть? Женя, он же ее старше на десять лет! Какие тут могут быть отношения — смех один. Потому я тебя попросил бы, если возможно, Катьку от себя не отпускать и обо всех этих отношениях писать мне. Мать расстраивать не надо. А я уже взрослый, я во всем разберусь и что-нибудь посоветую, пока не стало поздно».

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

Впрочем, на этом письмо не кончалось, Максим описывал Будапешт:

«Здание парламента очень красивое, красив и Дунай, и мосты, особенно — Цепной мост, он же мост Сечени. Тут как бы два города: Буда — где холмы, и дворцы, и бастионы — и Пешт — на другом берегу реки. Там и парламент, и все вокзалы. Еще здесь много купален, но в увольнение нас не отпускают, не положено, зато часто возят на экскурсии, в музеи и еще — в оперу. Ференц Лист в большом почете! Нашей учительнице пения понравилось бы. Еще часто крутим в ленкомнате кино. «Чапаева» семь раз смотрели и пять раз — «Коммуниста». И еще — фильмы из социалистических стран, не только венгерские. Вот польский недавно смотрели, со знаменитым артистом Цыбульским. Детектив, правда, без перевода, но там и так все понятно.

Да! Что касается музыки посовременнее, то офицеры рассказывали: здесь много всего. Взводный наш, Андрей, — хороший парень, боксер. У нас в красном уголке есть телевизор, там тоже много чего показывают, и не только венгерского, с неделю назад даже показали «Битлз», правда, немного, всего-то пару песен. Из местных очень популярен один ансамбль, они называются «Иллеш», тебе, наверное, понравились бы. Правда, офицеры в городе их пластинок не видели или просто внимательно не смотрели. Еще есть молодой парень — Янош Коош, тоже певец, такой бодренький. Ну, вот, пожалуй, пока и все. О службе своей писать не буду — не имею права, да ты и сама все понимаешь. Прошу, не забывай о моей просьбе, иначе точно — беда.

С приветом, Максим. 21 мая 1965 года.

Венгрия. Будапешт.

Ну, ничего себе!

Макс просил последить за родной сестрой! Понятно, что из лучших побуждений, но все-таки... Это ведь как-то даже и некрасиво. По крайней мере, именно так казалось Женьке. А еще казалось, что Максим решил просто-напросто использовать ее в своих планах, пусть даже и вполне благородных, но все равно — использовать! И от этого на душе стало как-то пусто и мерзко. Главное, посоветоваться-то не с кем — ну, не с родителями же, а больше близких друзей-подруг, кроме Катьки, у Жени, пожалуй, и не было.

Как-то грустно стало. Совсем...

Бросив на диск проигрывателя пластинку Ива Монтана, Женька продолжала грустить. Французский певец проникновенно пел про опавшие листья... то же самое продолжила певица Колетт Ренар, маленькую пластиночку Женя купила в Риге. Та же самая песня, те же самые слова... но как-то у Монтана выходило получше... «Листья» Монтана трогали за душу, а у Колетт Ренар — нет. Почему? Может быть, Женька судила сугубо предвзято, все-таки Монтан был одним из ее любимых певцов.

Предвзято... Вот и Максим там, в Венгрии, судит о своей сестре точно так же! Именно что предвзято! Да и прав он — какая там любовь. Просто увлечение! Так ведь бывает... И что с того? Вот если разобраться: в чем выражается увлечение подружки молодым и красивым руководителем фотокружка? Ведь чуть раньше она точно так же увлеклась симпатичным милиционером Дорожкиным. Он Катерину даже на мотоцикле катал, правда, не на служебном — на личном. Катька даже как-то обмолвилась, что, мол, даже не целовались! Ну, вот еще, он же лейтенант, а она кто? Ну, старшеклассница, но... Тем бо-

лее ничего такого не было с Анатолием Ивановичем. Было бы — Женька бы знала, Катька бы не преминула, похвасталась. А тут — нет. Значит, ничего и нет. Тем более Анатолий Иванович — очень хороший педагог и вообще человек серьезный. Серьезнее даже, чем Дорожкин!

Так вот и написать! Так вот прямо...

Женька схватила листок бумаги и авторучку с «Гагариным» — старый папин подарок...

«У тебя очень хорошая сестра, Макс. И ты это знаешь. Как и то, что Катя — моя лучшая подруга. Ты спрашиваешь меня не только о ней? Могу написать только то, что знаю, и что вижу, и что чувствую. Анатолий Иванович — очень хороший и добрый человек и ничего себе такого не позволяет. Тем более тут есть еще одна девица...»

Подумав, Женька эту фразу вычеркнула. Потом взяла новый листок, переписала письмо набело. Все так, как думала. Написав, успокоилась — в конце концов, ничего такого Максим и не просил, просто тревожился за сестру, он ведь не мог приехать!

«Вообще-то Анатолий Иванович — забавный, мы его прозвали «здрате-пожалте»...» Или не писать это? Хотя ладно, пусть будет.

«А еще он очень похож на польского актера Збигнева Цыбульского из фильма «Девушка из банка». Фильм интересный, детектив. Наверное, именно его ты и видел».

Назавтра Катерина заявила прямо с утра, часов в девять, и, пока Женька заваривала чай, со смехом пересказывала вчерашний визит в милицию.

— Игорь, вот же дурачок, такую чушь спрашивал. Все про ветер, про крышу нашу... Вот ведь заняться нечем совсем. А? Как думаешь?